

Евгения ЗАБОЛОТСКИХ

Эвклид КЮРДЗИДИС:

■ Русский грек - так он сам себя называет. В его копилке больше восьмидесяти ролей. А на театральных подмостках он больше сорока лет.

О мага-экстрасенсе, которого играет в новом «Шифре», о том, как ютился в подвале с крысами и носил усы, и почему не уедет в Грецию навсегда, заслуженный артист России рассказал «СВ».

СПАСЛА ПРИДУМАННАЯ ФАМИЛИЯ

В Петербурге завершились съемки четвертого сезона телесериала «Шифр». Премьера не за горами. Эвклид снялся в телеэпопее впервые.

- Кого сыграете?

- Мага-экстрасенса по имени Шефнер. Идет 1958 год, и мой герой косит под Мессинга. Вера Сторожева (режиссер. - Ред.) запретила стричься, и я вынужден был носить длинные волосы. Рад, что она наконец-то меня заметила. Мечтал сняться у нее многие годы. Проходил кинопробы, но она меня не видела.

- Дебютировали в фильме Владимира Мотыля «Несут меня кони...» и сыграли грека Гермеса. И там в титрах вы не Кюрдзидис, а Гюрджиев. Почему?

- Фамилия спасла мою семью от репрессий. Во второй половине тридцатых годов Сталин невзлюбил малые народы. Греки тоже попали в список. Большую их часть депортировали в Казахстан. И в степях выросли города. Кентау под Алма-Атой - греческий город. До сих пор там живут репрессированные греки. У тех, кто успел поменять фамилию, в ней русские окончания. Помните «Свадьбу в Малиновке»? Там был смешной Попандопуло. Переодевался в женское платье и пытался

НЕ МОГУ БЕЗ СЛАВЯНСКОЙ ДУШИ

Nonna Гришаева составила пару артисту в спектакле Александра Нестерова «На высоких каблуках» на фестивале «Хрустальный Источник».

сбежать. Во время репрессий он стал бы Поповым. Или моя мама. Девичью фамилию Спириадис поменяла на Спинову. И не тронули.

- У вас двойное гражданство?

- В российском паспорте я Гюрджиев, а в греческом - Кюрдзидис.

УСЫ СЛОВНО ПРОВОЛОКА

Попасть на съемки к известному режиссеру Владимиру Мотылю было непросто.

- Чем его зацепили?

- Нужен был в кадре грек. Мотыль снимал картину по мотивам повести «Дуэль» и других произведений Чехова. Ему подсказали, что во ВГИКе студент второго курса, как и надо, настоящий грек. И меня взяли без проб. Предстояло научиться водить машину, отпустить усы и коротко подстричься. Во-

лосы у меня были длиннее, чем сейчас. И когда я сделал все так, как надо, не понял, кого Мотыль звал на роль, потому что получился молодой Сталин. Один в один. Кстати, я почти уверен, что мужики носят усы из-за комплексов. Это непрактично. А у меня еще и очень жесткие волосы. Как проволока. Ложиться лицом в подушку, и они больно впиваются в кожу. Невозможно уснуть. Утром просыпаешься - торчат в разные стороны, не можешь их расчесать.

- Выдержали испытание до конца?

- Съемки закончили в Ялте. Остальное снимали в павильонах в Москве. Я упал в колени художнику-гримеру и сказал: «Умоляю, сшейте мне усы!» Она ответила: «С ума сошли?! Нас обоих повесят». «Вы - из старой советской школы гримеров. Умо-

ляю!» - настаивал я. «Ну, на мой страх и риск», - ответила она. Я приезжал на съемки на час раньше всей группы, и гример клеила мне усы. Мотыль ничего не замечал. Но в последний съемочный день в кадре я играл крупный план, и он вдруг закричал: «Стоп, стоп, стоп!» И пошел ко мне. Смотрю: гример - белая. Прощается с жизнью. Он подошел близко, наклонился, приблизил свое лицо к моему и сказал: «Какие-то уставшие глаза, Эвклид. Взбодрись». Я понял, что спасен. А вообще он - мой крестный папа в кинематографе. Относился как к сыну.

- Переживал?

- Был строгим, даже авторитарным. Старался, чтобы все двенадцать часов я находился на съемочной площадке. Говорил: «Научись всему». И я помогал в любых ситуациях. Подкидывал тексты

главному герою, если у него не было партнеров. Невероятный опыт. И огромные на тот момент деньги за съемки. Оплатил год обучения во ВГИКе.

МОТЫЛЬ ОПЛАТИЛ ВГИК

Считалось, что у Кюрдзидиса роль третьего плана.

- Сумма гонорара - не секрет?

- По договору должен был получить, если не ошибаюсь, шестьсот тысяч рублей. В девяностые сумма была - как сегодня, может быть, шесть тысяч. То есть вообще ничто. Я поблел, а директор сказал: «Что вам не нравится?» - «Я думал, что смогу оплатить учебу во ВГИКе», - ответил я. «Радуйтесь, что будете у великого Мотыля сниматься», - бросил директор. И подписали договор. Жил тогда в подвале с крысами, но на Старом Арбате. В мастерской художника-монументалиста, архитектора Веры Троицкой в Спасо-Судковском переулке, напротив храма. Это место запечатлел на картине «Московский дворик» Поленов. Я прожил там семь лет. Конечно, потом сделал ремонт. Избавился от крыс.

- Но тогда вы, скорее всего, грустили.

- Пришел в подвал. И стал думать, где взять средства на следующий год учебы. Стипендию не платили. Денег на еду не было. Три дня голодал, еще три - выходил из голодовки. Пил воду. Думал, оздоравливаю организм. И при этом был счастлив, потому что учился во ВГИКе, снимался у такого режиссера. И вот прихожу, поникший, в подвал, и вдруг звонок. Снимаю трубку и не могу поверить. Мотыль! «Эвклид, слышал, ты должен оплатить учебу во ВГИКе. Сколько она стоит?» - «Дорого. 1,7 тысячи долларов в год». «Ты получишь за роль две тысячи долларов», - ответил он.

АРМИЯ СДЕЛАЛА МУЖЧИНОЙ

■ Актеру довелось послужить в ракетных войсках.

- Как занесло в ракетные войска?

- Я окончил Днепропетровское театральное училище, и нас в Советском Союзе распределяли в театры. Молодому специалисту, если он пять лет отработал, давали квартиру. Выделяли и подъемные деньги, чтобы купить мебель, подушку, ложки, вилки. И я по распределению попал в Луцк. Мне было восемнадцать, и меня должны были забрать в военные театры. Но мой брат, младше на год, попал во внутренние войска. И я подумал: «Он будет там, а я - на сцене?» И написал заявление о том, что тоже хочу в армию. А у каждого человека призывного возраста в школе уже была профессия. Ее приобретали в последние два года. Водитель, слесарь, учитель. И все брали того, кто нужен. А что с артистом делать? И тут я услышал, что в ракетные войска требуется двенадцать водителей. Их туда дали, но при условии, что

возьмут еще и одного актера. С тех пор моя любимая цифра - тринадцать.

- Наверное, артисту тяжело в армии?

- Я попал туда художником в розовых очках. Выдали обувь и одежду. У меня размер сапог - 42-й. Получил 44-й. Голенища - по причинное место. Майка висела ниже колен. Она была на 56-й размер, а у меня - 44 - 46. Парню рядом со мной, высокому и плотному, дали одежду и обувь, наоборот, меньшего размера. И мы мучились. С нас сбивали спесь, гражданскую, творческую. Каждое утро бегали кроссы. Раз в полгода стреляли из автомата. И без дедовщины не обошлось. В первые полгода было ощущение, что я не в армии, а где-то на Марсе. Но сегодня, когда родители спрашивают, стоит ли их сыновьям идти служить, я отвечаю, что да. Настоящим мужчиной меня сделала служба. Родители с опаской спрашивают: «А вдруг искалечат?» И я говорю, что хуже, если парень искалечит душу здесь, не побывав в армии. Станет слабым, беспозвоночным слюнтяем.

ЗАКАЛКА

РЕТРОАЛЬБОМ

ЕССЕНТУКИ ЛУЧШЕ САЛОНИКОВ

■ Родители артиста вернулись на Северный Кавказ - местный климат им подходит больше.

- Ваши мама с папой на время уезжали в Грецию?

- Они жили в Советском Союзе. Потом, когда открылись границы, конечно, как и все, рванули туда. И жили между Салониками и Ессентуками. В Минеральные Воды летал прямой самолет. В 2009 году я баллотировался в мэры Салоников. Прилетал раз в неделю. А после пандемии, когда все закрылось, родители остались здесь. Там очень жарко. Да уже и почтенный возраст. В Греции дяди, тети. Бабушка похоронена.

- Чувствуете тоску по исторической родине?

- Конечно. Это связь с предками. Меня зовут Эвклид, как и древнегреческого математика-геометра, философа, поэта. Но там, когда приезжал, говорили: «Какой ты грек? Живешь в России». Я отвечал: «Я - счастливый и богатый грек, потому что во мне живут две культуры, русская и греческая». Везде так и говорю: «Я - русский грек». Гордо. Я объездил полмира. Многое нравится. Япония перевернула сознание. Но ни на что не променяю Россию. Не могу без русской, славянской души. Широкой, необъяснимой, парадоксальной, щедрой, все отдающей.